

УДК 342.2; 316.012; 316.422; 94

ГРНТИ 02.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-102-111

Н.С. РОЗОВ, Ю.А. ПУСТОВОЙТ, С.И. ФИЛИПОВ, В.В. ЦЫГАНКОВ*

Революционные волны в Европе и мире как следствия и факторы глобальной модернизации

На основе исторического анализа выделены и типологизированы революционные волны — серии близких по времени революционных событий, имеющих общую причину или служащих причинами друг для друга. Эти волны рассмотрены в двух перспективах: как элементы выделенных в истории шести периодов турбулентности, связанных с ней ритмов модернизации и в отношении внутренних закономерностей, обеспечивающих падение легитимности режима и успех лидеров протеста. На примере модели «Розжиг тушителей» показана причинная цепь, где революционный успех в «дозревших» обществах с высокой нестабильностью и слабой властью охватывает менее «дозревшие» общности, в которых неудача восставших оказывает фрустрирующее воздействие на остальные и гасит волну. Приведены и рассмотрены наиболее яркие примеры волновой динамики: структурные причины и специфика Азиатской волны, сравнение контрастных случаев «Весны народов» и «Арабской весны», сложная взаимосвязь внутренних и геополитических процессов на материале революционных событий в Пруссии 1848–1849 гг. Сформулированы общие принципы взаимосвязи внутренней политической динамики и геополитики в революционный период. В разных обществах и обстоятельствах революционная волна приводит либо к ускоренной модернизации, либо к регрессу (контрмодернизации), либо к противоречивым результатам.

* **Розов Николай Сергеевич** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, заведующий кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор Новосибирского государственного технического университета (ННИГУ НГТУ), руководитель проекта «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ» (16-03-00318а).

E-mail: nrozov@gmail.com

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС (Новосибирск), исполнитель того же проекта.

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Филиппов Сергей Иванович — кандидат философских наук, доцент, заместитель директора гуманитарного института НГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: filippov.nsu@gmail.com

Цыганков Владислав Васильевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Специализированного учебно-научного центра ННИГУ НГТУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: oktava-77@yandex.ru

Ключевые слова: революционные волны, социальная революция, типология революций, экспорт революций, импорт революций, геополитика, периоды турбулентности, макросоциология

Типология революционных волн

Революционные волны — это серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие причины.

Относительно свободное от идеологии предметное изучение революционных волн началось только в последние десятилетия XX в. [1, 2]. Интерес исследователей особенно повысился после волн «цветных революций» 1990–2000-х гг. и «Арабской весны» 2011–2012 гг. [3–6].

Основанием для нашей типологии волн служит связь между революциями в разных обществах [7, 8].

Домино-волны происходят, когда революция в одном обществе (доноре) прямо и непосредственно, через сильный эмоциональный эффект приводит к революции в другом обществе (реципиенте). «Весна народов» 1848–1849 гг. в Западной Европе и «Арабская весна» 2011–2012 гг. служат наиболее яркими примерами домино-волн. В таких волнах нет чьей-то

целенаправленной деятельности по экспорту или импорту революций, они возникают в силу достаточной степени «созревания» обществ и толчка впечатляющих (особенно успешных) революций в соседних и/или политически, культурно референтных обществах.

Наведённые (индуцированные) волны происходят, когда имеет место перенос образцов организации и ведения протестных политических действий (насильственных и/или мирных): либо эмиссары из общества-донора, из державы, спонсирующей революцию, привозят литературу, обучают местных лидеров, активистов, сами могут участвовать в протестах, революционных действиях (*экспорт революции*), либо стремящиеся к революции «паломники» приезжают в общество-донор с победившей революцией за опытом и инструкциями (*импорт революции*). Примерами служат революции, инспирированные, поддержанные Коминтерном, СССР (от Испании 1936 г., помощи маоистам в Китае в 1940-х гг. до афганских событий конца 1970-х гг.), роль Кубы в революциях Латин-

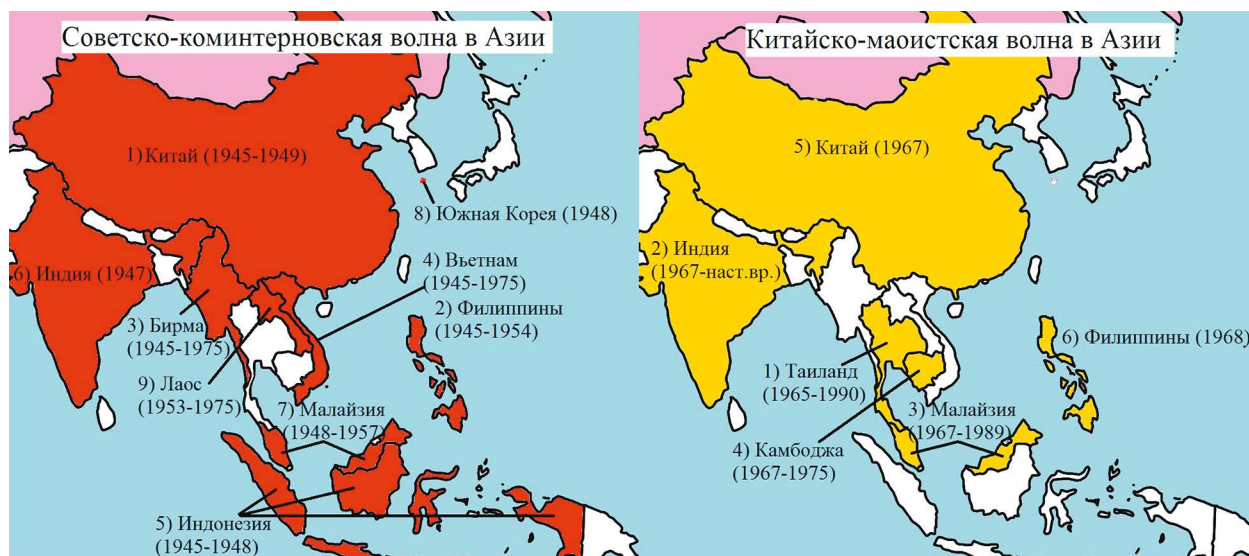

Рис. 1. Две «красные волны» в Азии 1940-х и 1960-х гг.: революции, восстания, партизанские движения

ской Америки и Африки; роль различных организаций, фондов США и ЕС в «бархатных» и «цветных» революциях, роль Саудовской Аравии, Катара, Ирана в революциях арабских стран 2011–2012 гг.

Полемогенные волны (от греческого *πόλεμος* – война) происходят в обществах, вовлечённых в общую войну или серию связанных войн; как правило, в проигрывающих державах (таковы Кемалистская революция в Турции 1918–1923 гг., Ноябрьская революция в Германии 1918 г.), но также вследствие военного напряжения, ослабления имперского принуждения (революционные события в Российской империи 1917–1918 гг., Ирландское восстание 1916 г. и война за независимость против Великобритании 1919–1921 гг.).

Идейные волны происходят при наличии явной преемственности лозунгов, религиозных идей, идеологий, моральных и правовых ценностей, социальных и политических идеалов. Сюда относится также заимствование организационных, институциональных образцов прошлых революций, но образцы эти почерпнуты из книг, а не обязательно из личного общения и взаимодействия (как в наведённых волнах). Реформация в Северной Европе XVI в., буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции, революции в России 1905 г. и феврале 1917 г., в Османской империи 1908 г., в Мексике 1910 г. и Китае 1911 г., связанные с общими идеями перехода к современному типу государства (с конституцией и парламентом), марксистские и советские революции 1910–1930-х гг., национально-освободительные революции 1950–1960-х гг., антикоммунистические революции 1980–1990-х гг. – все представляют собой, прежде всего, идейные волны.

На рис. 1 представлены две последовательные «красные волны» революций и восстаний в Азии. Это – яркие примеры совпадения полемогенной, индуцированной и идейной зависимости. Полемогенную связь даёт завершение Второй мировой войны в Тихом океане – в пер-

вом случае, и Война США в Индокитае – во втором случае. Идейную и индуцирующую зависимость представляют укоренённый ещё с 1920-х гг. кадровый потенциал Коминтерна – в первом случае и организационные меры китайского руководства по поддержке партизанских движений маоистского толка – во втором.

Структурные волны происходят в разных обществах вследствие общих базовых – социально-экономических, геополитических, геоэкономических, технологических, экологических, демографических, культурных – причин. Таковыми причинами могут быть процессы колонизации, быстрого прогресса в военных технологиях (военной революции), коммерциализации, модернизации, индустриализации, урбанизации, роботизации, глобализации, геокультурной экспансии и т.д. Крестьянские и рабочие восстания, антифеодальные буржуазные революции, национально-освободительные движения, как правило, имеют общие структурные причины и образуют соответствующие структурные волны [9].

Реальная история революций, нередко сопровождаемых гражданскими и междонародными войнами, чрезвычайно многообразна и сложна, что видно на схеме периода, длящегося всего лишь одно поколение (рис. 2).

Глобальная модернизация и периоды турбулентности

Научное осмысление сложных процессов всегда предполагает некое упрощение и схематизацию [10]. Ритм глобальной модернизации за прошедшие пять столетий удобно представлять как чередование *периодов турбулентности*, главными элементами которых являются революционные волны, обычно связанные с большими войнами между ведущими державами, дискредитацией привычных устоев, и *периодов относительной стабильности* внутренних и международных порядков.

Поскольку с XVI в. начинается глобальная экспансия европейских народов, осо-

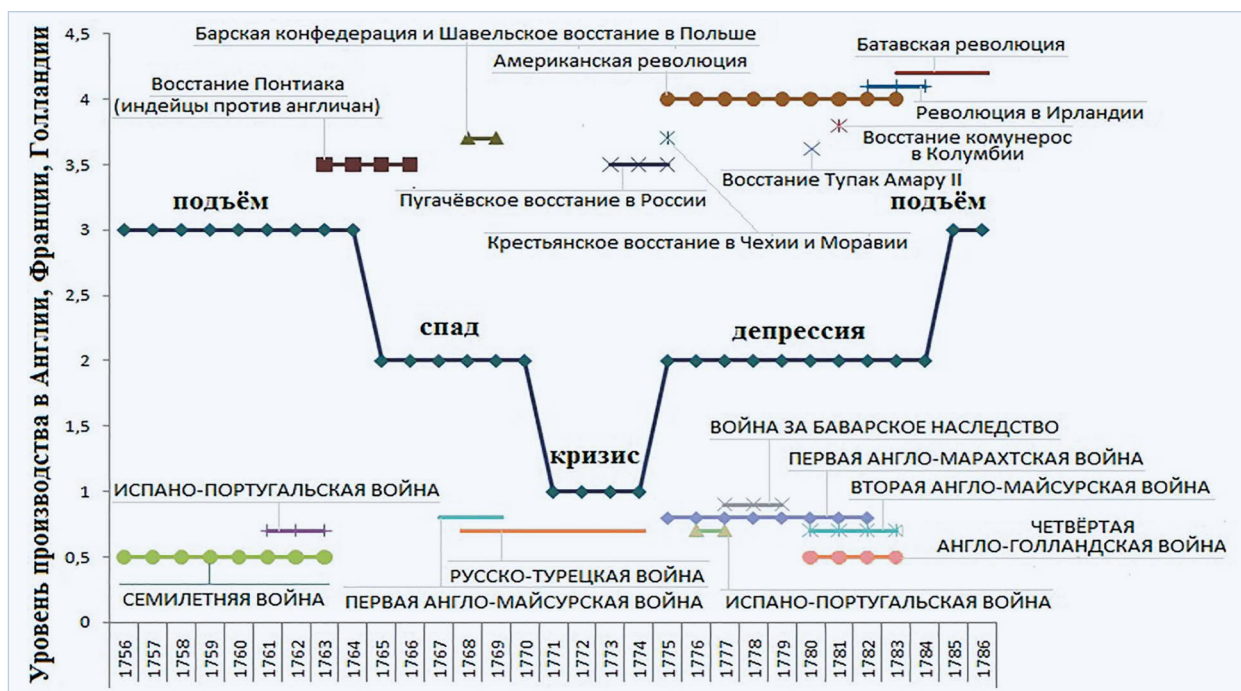

Рис. 2. Соотнесение войн и революционных событий, волн с экономической динамикой в 1756–1786 гг.

бое значение имеют эпохи турбулентности в Европе. Шесть главных периодов турбулентности таковы:

- 1) 1517–1648 гг. (Реформация как первая крупная революционная волна и религиозные войны);
- 2) 1775–1815 гг. (Американская и Великая Французская революции, последующие революционные, наполеоновские войны, деколонизация Латинской Америки);
- 3) 1848–1871 гг. («Весна народов», Крымская война, войны Бисмарка, Парижская коммуна);
- 4) 1914–1921 г. (Первая мировая война, Русская революция и последующая полемогенная волна);
- 5) 1939–1953 гг. (Вторая мировая война, коммунистические революции и Корейская война);
- 6) с 2003 г. (явные напряжения между сильнейшими державами по поводу 2-й Иракской войны, «Арабская весна», движение «Оккупай», волны насилия на Ближнем Востоке, военные действия, передел границ, рост политического напряжения в Европе и мире, волны массовых миграций, экономические, политические, идейные кризисы в ядре ми-

ровой системы как признаки наступления нового периода турбулентности).

Каждый период турбулентности преодолевался посредством утверждения нового международного порядка, новых принципов внутриполитического устройства государств, распространения новых религиозных, социальных, моральных ценностей.

Закономерности волновой динамики

Революционные волны имеют свои закономерности [11]. В качестве примера приведём модель «Розжиг тушителей». Чем выше потенциальная нестабильность и чем менее силён и легитимен режим, тем больше шансов на успех революции, под которым здесь понимается либо захват власти лидерами протеста, либо существенные уступки революционным требованиям со стороны власти. Заразителен для других обществ именно революционный успех, тогда как провал, скорее, фрустрирует потенциальные силы протеста и вдохновляет режим на сопротивление.

Получаем такую причинную цепь динамики роста и угасания: чем шире рас-

пространяется «революционный пожар», тем менее «дозревшие» общества охватываются волной, тем скорее революции в них будут неуспешными, тем более фрустрирующее влияние они оказывают на остальные общества, тем слабее в них решимость к открытым политическим протестам, что и означает угасание и прекращение революционной волны (рис. 3).

Подавление революции 1848 г. в Пруссии и других германских государствах, победа Австрии над восставшими итальянцами в Пьемонте, над чехами в Праге и поляками в Галиции явно сыграли роль в угасании всей европейской «Весны народов» [12].

«Арабская весна» 2011 г. началась громкими успехами революций в Тунисе и Египте, но затем также охватила Бахрейн (протесты подавлены при содействии саудовской армии), Ирак, Сомали, Кувейт, Западную Сахару, Ливан, где выступления ни к чему не привели, что снизило решимость открыто протестовать в других арабских обществах.

Методология макросоциального анализа позволяет сопоставлять между собой случаи, отдалённые в пространстве и времени, при наличии значимых структурных сходств [10]. Сравнительный анализ обществ, охваченных волнами «Весны народов» и «Арабской весны» (таких как Пруссия, Сирия) и выстоявших (Российская империя, Иордания), позволил выделить глубинные механизмы причин и закономерностей революций во взаимосвязи внутренних и внешних факторов.

«Весна народов» 1848–1849 гг. и «Арабская весна» 2011–2012 гг.: общие паттерны динамики

Обеим волнам предшествовал общий комплекс причин: экономический кризис¹, быстрые темпы обнищания город-

ского населения, распространение новых медиа (газет — в середине XIX в. и социальных сетей, мобильной связи — в начале XXI в.), распространение социально-политических идей (социализма, демократии).

Некоторые относительно благополучные страны без явных признаков делегитимации режимов, такие как Пруссия в «Весне народов» и Сирия в «Арабской весне», все же были охвачены этими революционными волнами. Наряду с известными демографическими и социально-экономическими факторами, эффектом «домино» (громкие успехи революций во Франции в первом случае, в Тунисе и Египте — во втором) следует отметить первостепенную значимость процессов на международной арене.

В германских государствах (включая Австрию) важнейшим был вопрос о порядке объединения, и центр внимания в результате Мартовской революции 1848 г. сместился во Франкфурт, где всегерманский парламент пытался решить эту труднейшую задачу. Прусская монархия испытывала не только социально-политическое давление, но и риск делегитимации из-за возможной утери позиций в этой волновавшей всех сфере.

Правительство Б.Асада к 2011 г. своими жёсткими действиями в отношении протестующих не только восстановило против себя западные державы во главе с США, но и ухудшило свои и без того напряжённые отношения с влиятельными суннитскими монархиями.

В дальнейшем ходе событий в обоих случаях международные взаимодействия играли не меньшую роль.

Положение правительства Б.Асада в начавшейся гражданской войне было крайне незавидным, даже близким к краху, и только неожиданная массивная

¹ Двухлетние неурожаи зерновых и картофеля, тяжёлое материальное положение трудящихся, дороговизна, тиф, ухудшение питания и падение реальной заработной платы — так выглядит зима 1847–1848 гг. накануне «Весны народов». Начальным источником напряжений в арабском мире был мировой кризис 2008–2009 гг., когда рост цен на продовольствие и уменьшение туристического потока в первую очередь ударили по странам, где нет добычи нефти в больших масштабах.

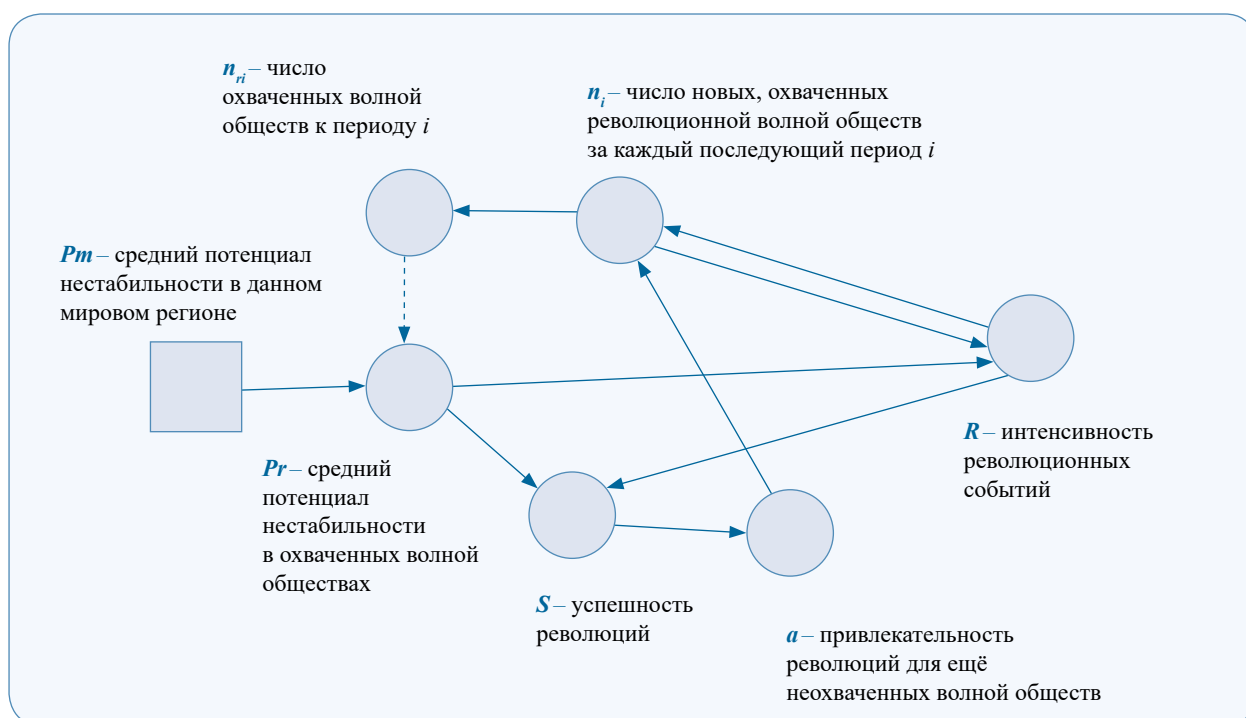

Рис. 3. Модель «Розжиг тушителей». Сплошные стрелки означают положительную усиливающую связь, пунктирная — отрицательную ослабляющую связь

помощь России осенью 2015 г., последующая поддержка со стороны Ирана переломили ситуацию.

Режим прусского короля, несмотря на все трудности, также выстоял. Здесь ситуация была сложнее, также включала насилие, репрессии, военные действия, но не сводилась к ним. Начальные уступки восставшим сменились консолидацией сторонников монархии, отставкой либерального правительства в сентябре 1848 г., введением избирательного законодательства 1850 г., по сути дела укреплявшим монархию в её союзе с крупной и средней буржуазией [13, 14]. Такой кульбит стал возможным и в целом принятым населением во многом благодаря возвращению Пруссией геополитического престижа.

Легитимность тогдашнего соперника в деле объединения Германии — Франкфуртского парламента — была подорвана крупным военным и дипломатическим провалом: вынужденной ратификацией в сентябре 1848 г. перемирия с Данией. Пруссия же показала себя как наиболее значимая военная сила в защите об-

щегерманских интересов (в данном случае в попытках присоединения Шлезвига и Гольштейна, находившихся в личной унии с датской короной). Кроме того, король Пруссии в 1849 г. предложил альтернативную программу объединения Германии на условиях большего федерализма, чем франкфуртская версия, что нашло понимание среди сторонников единой Германии и не вызвало отторжения «партикуляристских» политических элит германских государств.

Внутренняя политика и геополитика в период революций

В результате такого рода сравнительных анализов и обобщений установлены следующие принципы взаимосвязи внутренней политической динамики и геополитики в революционный период [15, 16], которые отчасти подтверждают, отчасти уточняют положения классических и современных макросоциологических исследований (М. Вебер, ван Кревельд, Ч. Тилли, Т. Скочпол, Р. Коллинз, Дж. Голдстоун и др.).

1. Военная победа, демонстрация лидерства на внешней арене всегда повышают внутреннюю (популярную, элитарную, силовую), а также международную легитимность победителя. В роли такого победителя или лидера может оказаться как революционное правительство, так и старый режим. В зависимости от этих событий революционная волна в окружающих и культурно зависимых обществах либо усиливается, либо угасает.
2. Яркие военные победы имперского центра маргинализуют оппозицию, повышают лояльность окраин, снижают поддержку сепаратистов, деморализуют приверженцев революции в других обществах.
3. Внешние поражения усиливают политический кризис в центре державы, что ослабляет ее военную мощь и усиливает сепаратизм. Внешние поражения постреволюционных режимов делегитимируют не только власть и лидеров, но также символы, лозунги и идеологию самой революции, служат факторами угасания революционной волны.
4. Судьба каждой революции (или периода в продолжающейся, рецидивирующей революции) зависит от того, какое поле борьбы станет решающим: мирное институциональное поле, в том числе электоральное, военное поле или промежуточное (уличные протесты, их подавление, попытки свержения власти или её реставрации), а также от того, чья сторона имеет преимущество в специфических для данного поля ресурсах. В любом случае вектор внешней поддержки крайне значим, поскольку меняет соотношение ресурсов (силовых, экономических, символических) в каждом поле.
5. Наряду с долговременными факторами легитимности сторон, на ее динамику в кризисный период воздействуют ситуативные обстоятельства, а также интуитивная чувствительность лидеров к тому, какие лозунги, какая риторика наиболее эффективны для мобилизации. Наиболее действенна демонстрация причастности к таким символам, святыням, социальным и политическим проектам, которые более всего соответствуют картине мира, ценностным установкам, идентичностям и актуальным интересам потенциальных приверженцев. Все эти установки испытывают тем большее влияние «мировых идей», чем теснее экономическая и культурная связанность обществ.
6. Поскольку большинство участников (в том числе в элитах и силовых структурах) оппортунистично и опасается, прежде всего, оказаться на проигравшей стороне, пик противостояния обычно не длится более двух-трех суток, после чего победившая сторона обрастает сторонниками, подобно снежному кому. В затяжных революционных процессах таких поворотных точек может быть несколько. Сложная динамика волн в большой мере определяется международной реакцией на успехи и провалы революций в наиболее референтных обществах.
7. В вооруженном конфликте успех той или иной стороны определяется, наряду с военно-организационными и военно-техническими факторами, также геополитическими и социальными обстоятельствами: наличием/отсутствием внешних союзников, характером, масштабом их поддержки, а также солидарностью/разобщенностью ведущего войну общества, способностью его лидеров и элит мобилизовать армию и ополчение вокруг символов, настолько значимых и привлекательных, что люди ради них готовы убивать и умирать. При этом каждая яркая победа привлекает новые ресурсы, увеличивает решимость, уверенность победителей в своей правоте, изменяет внутреннюю и внешнюю легитимность противников (см. п. 1).

Значимость изучения революционных волн

Революционные волны — неотъемлемая часть процессов модернизации в Европе и мире. Накапливающиеся напряжения при достижении пороговых значений с высокой вероятностью приводят к социальным революциям. Всё более тесные связи между обществами способствуют распространению революций — собственно волнам. Революции в разных обществах либо «расчищали путь» для ускоренной модернизации (Нидерланды, Англия, США, Турция, Тунис, Армения), либо отбрасывали страну назад (Китай, Куба, Иран, Камбоджа, Сирия, Ливия), ли-

бо приводили к противоречивым результатам (Франция, Италия, Мексика, Россия, Вьетнам, Египет, Грузия, Украина).

Революционные волны — крупнейшие макросоциальные явления, наряду с массовыми миграциями, мировыми войнами, научно-техническим прогрессом, процессами урбанизации, индустриализации, информатизации. Судя по растущей связанности современных обществ и накоплению напряжений, волны революций отнюдь не прекратились и продолжат возникать в будущем. Изучение их причин и динамики — одна из наиболее актуальных задач современной макросоциологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Katz M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999.
2. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. № 5. С. 58–103.
3. Beck C.J. *The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention* // *Social Science History*. Vol. 35 (2). 2011. P. 167–207.
4. Beck C.J. *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists*. Polity Press, 2015.
5. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
6. Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // *Ойкумена*. Вып. 8. 2012. С. 174–209.
7. Розов Н.С. Типология, критерии выделения и основы динамики революционных волн в мировой истории // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник* / Ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, К.В. Мещерина. Волгоград, 2016. С. 240–262.
8. Цыганков В.В. Типы Революционных волн (на материале истории Раннего Модерна) // Там же. С. 263–281.
9. Цыганков В.В. Революционные волны в позднее Новое время: мануфактурный кризис в мире и промышленный переворот в Англии // *Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: Материалы VIII Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 204–225.
10. Коллинз Р. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС, 2015.
11. Розов Н.С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // *ЭКО*. 2016. № 10. С. 78–95.
12. Пустовойт Ю.А. Бунт, восстание, революция: организованное насилие горожан в контексте модернизационных процессов // *Вестник Бурятского государственного университета. Серия Экономика и менеджмента*. Улан-Удэ: БГУ, 2017. № 11. С. 71–82.
13. Пустовойт Ю.А. Революционные волны: опыт применения макроисторического подхода в анализе революционных событий «Весны народов» и «Арабской весны» // *Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость* (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.): Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4766–4769. – (DVD ROM).
14. Филиппов С.И. Условия революционности элит: макроисторический анализ // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ, 2017. С. 319–321.

15. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И. Динамика революционной волны: сравнительная политология «Весны народов» 1848–1949 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 238–252.
16. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. М.: УРСС, 2018.

ENGLISH

Revolutionary Waves in Europe and the World as the Aftermath and Factors of Global Modernization

Nikolay Sergeevich Rozov – Doctor of Philosophy, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department for Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University, Professor of Novosibirsk State Technical University, supervisor of the project “Revolutionary Waves in the Evolution of Societal Modernization in the 19th – 21st Centuries: Macro-Sociological and Socio-Philosophical Analysis” (16-03-00318a).

E-mail: nrozov@gmail.com

Yuri Aleksandrovich Pustovoyt – PhD in Politics, Associate Professor of the Department of Political Science and Technology, Siberian Institute of Management – RANEPА Branch (Novosibirsk), researcher in the same project.

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Sergey Ivanovich Filippov – PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Humanities of Novosibirsk State University, researcher in the same project.

E-mail: filippov.nsu@gmail.com

Vladislav Vasilyevich Tsygankov – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities, Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University, researcher in the same project.

E-mail: oktava-77@yandex.ru

Using historical analysis, the authors identify and classify revolutionary waves – a number of closely spaced upheavals having a common cause or triggering each other. These waves are explored in two dimensions: as components of six turbulent periods in the history, the rhythms of modernization associated with it, and as internal patterns bringing imminent regime falls and success of protest leaders. As exemplified by “Ignition of quenchers” model, the authors show a causal chain, where revolutionary success in “ripe” societies with high instability and weak power seizes less “ripe” communities, where the failure of rebels produces a frustrating effect on others and quenches the wave. The paper provides and studies the most striking examples of wave dynamics: structural causes and specifics of the Asian wave, comparison of contrasting cases of “Spring of Nations” and “Arab Spring”, a complex interrelationship of internal and geopolitical processes based on the chronicles of the revolutionary events in Prussia in 1848–1849. The authors identify the general principles of the interrelationship of internal political dynamics and geopolitics during these revolutionary waves. In different societies and circumstances, a revolutionary wave spurs either accelerated modernization, or regression (counter-modernization), or conflicting results.

Keywords: revolutionary waves, social revolution, typology of revolution, export of revolutions, import of revolutions, geopolitics, periods of turbulence, macrosociology

REFERENCES

1. Katz M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999.
2. Goldstoun Dzh. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya // *Logos*. 2006. № 5. С. 58–103 (in Russian).
3. Beck C.J. *The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention* // *Social Science History*. Vol. 35 (2). 2011. P. 167–207.
4. Beck C.J. *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists*. Polity Press, 2015.
5. Goldstoun Dzh. *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie*. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2015 (in Russian).
6. Tsirel' S.V. *Revolutsionnye situatsii, revolyutsii i volny revolyutsiy: usloviya, zakonomernosti, primery* // *Oykumena*. Vyp. 8. 2012. S. 174–209 (in Russian).
7. Rozov N.S. *Tipologiya, kriterii vydeleniya i osnovy dinamiki revolyutsionnykh voln v mirovoy istorii* // *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Ezhegodnik / Pod red. L.E. Grinin, A.V. Korotaev, L.M. Isaev, K.V. Meshcherina*. Volgograd, 2016. S. 240–262 (in Russian).
8. Tsygankov V.V. *Tipy Revolyutsionnykh voln (na materiale istorii Rannego Moderna)* // *Tam zhe*. S. 263–281 (in Russian).
9. Tsygankov V.V. *Revolutsionnye volny v pozdnee Novoe vremya: manufakturnyy krizis v mire i promyshlennyy perevorot v Anglii* // *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Cheboksary: TSNS «Interaktiv plyus»*, 2017. S. 204–225 (in Russian).
10. Kollinz R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti*. M.: URSS, 2015 (in Russian).
11. Rozov N.S. *Revolutsionnye volny v mirovoy istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaeniya* // *EKO*. 2016. № 10. S. 78–95 (in Russian).
12. Pustovoyt Yu.A. *Bunt, vosstanie, revolyutsiya: organizovannoe nasilie gorozhan v kontekste modernizatsionnykh protsessov* // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika i menedzhmenta*. Ulan-Ude: BGU, 2017. № 11. S. 71–82 (in Russian).
13. Pustovoyt Yu.A. *Revolutsionnye volny: opyt primeneniya makroistoricheskogo podkhoda v analize revolyutsionnykh sobytiy «Vesny narodov» i «Arabskoy vesny»* // *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 g.): Materialy V Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa*. M.: Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, 2016. S. 4766–4769. – (DVD ROM) (in Russian).
14. Filippov S.I. *Usloviya revolyutsionnosti elit: makroistoricheskiy analiz* // *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo GU, 2017. S. 319–321 (in Russian).
15. Rozov N.S., Pustovoyt Yu.A., Filippov S.I. *Dinamika revolyutsionnoy volny: sravnitel'naya politologiya «Vesny narodov» 1848–1949 gg.* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2018. № 44. S. 238–252 (in Russian).
16. Rozov N.S. *Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 2: Prichiny, dinamika i smysl revolyutsiy*. M.: URSS, 2018 (in Russian).